

Научная статья / Original article

УДК 81.255.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2025-20-4-114-123

Личность переводчика: от буфера против конфликтов к щиту от неоколониализма

Сергей Владимирович Сахневич

Институт деловой карьеры, г. Москва, Россия

crash68@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

В условиях глобализации, сопровождающейся ростом межкультурной напряжённости и проявлениями неоколониализма, происходит переосмысление роли переводчика. Актуальность исследования обусловлена необходимостью защиты культурной идентичности и балансировки между адаптацией текста и критическим подходом к доминирующему нарративам. Научная новизна заключается во введении концепции «филологической бдительности» – способности выявлять скрытые культурные и идеологические пласти текста. Проблема состоит в противоречии между аутентичной репрезентацией культурного своеобразия и необходимостью минимизировать когнитивный диссонанс у реципиента. Цель – определить языковые средства, смягчающие культурные конфликты и обеспечивающие защиту идентичности. Гипотеза предполагает, что активная позиция переводчика, основанная на интерпретации и адаптации текста с учётом культурного контекста, является ключевым фактором достижения этих целей. В работе использованы материалы переводов для частных и государственных компаний, а также фрагменты книг и периодики. Применялись методы анализа прагматики текста, лингвокультурологического и дискурс-анализа, проекции и обратной связи с целевой аудиторией. Разработаны и апробированы стратегии адаптации перевода для различных социокультурных групп, продемонстрировавшие эффективность в защите от культурной гомогенизации. Автор предлагает концепцию «филологической бдительности» как инструмента противодействия неоколониальным тенденциям в переводе. Результаты подтверждают, что переводчик выступает не пассивным транслятором, а активным участником межкультурного диалога, способным нивелировать конфликтогенные элементы и противостоять доминирующему дискурсам. Эмпирические данные свидетельствуют о повышении коммуникативной эффективности при использовании реципиент-ориентированного подхода. Установлено, что активная и критическая позиция переводчика необходима для инклюзивного межкультурного взаимодействия и защиты культурного разнообразия. Перспективы исследования связаны с дальнейшей разработкой методологий, усиливающих «буферную» роль переводчика в условиях глобализации и развивающих теорию социального конструктивизма применительно к власти и языку.

Ключевые слова: перевод, диалог, понимание, защита от неоколониализма, контекстуализация как средство анализа, критическое мышление как инструмент, культурная идентичность

Для цитирования

Сахневич С. В. Личность переводчика: от буфера против конфликтов к щиту от неоколониализма // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20, № 4. С. 114–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2025-20-4-114-123

Translator's Personality: From Buffer Against Conflict to Shield Against Neo-Colonialism

Sergey V. Sakhnevich

Institute of Business Career, Moscow, Russia

crash68@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

In the context of globalization, accompanied by rising intercultural tensions and manifestations of neocolonialism, the role of the translator is being re-evaluated. The relevance of the study is driven by the need to protect cultural identity and to balance text adaptation with a critical approach to dominant narratives. The scientific novelty is in introducing the concept of "philological vigilance" – the ability to identify hidden cultural and ideological layers within a text. The problem involves the contradiction between the authentic representation of cultural specificity and the need to minimize cognitive dissonance for the recipient. The aim is to identify linguistic means that mitigate cultural conflicts and ensure the protection of identity. The hypothesis proposes that the translator's active position, based on interpreting and adapting the text with consideration for the cultural context, is a key factor in achieving these goals. The study utilized materials from translations for private and state companies, as

© Сахневич С. В., 2025

well as excerpts from books and periodicals. Methods of text pragmatics analysis, linguocultural and discourse analysis, projection, and target audience feedback were applied. Strategies for adapting translations for various sociocultural groups were developed and tested, demonstrating effectiveness in protecting against cultural homogenization. A specific result is the concept of "philological vigilance" as a tool to counter neocolonial tendencies in translation. The results confirm that the translator acts not as a passive transmitter, but as an active participant in intercultural dialogue, capable of mitigating conflict-prone elements and resisting dominant discourses. Empirical data indicates increased communicative effectiveness when using a recipient-oriented approach. We established that the translator's active and critical stance is essential for inclusive intercultural interaction and the protection of cultural diversity. Research prospects are associated with the further development of methodologies that enhance the translator's "buffer" role in globalization and advance the theory of social constructivism concerning power and language.

Keywords: translation, dialogue, understanding, defense against neocolonialism, contextualisation as a means of analysis, critical thinking as a tool, cultural identity

For citation

Sakhnevich S. V. Translator's Personality: From Buffer Against Conflict to Shield Against Neo-Colonialism // Humanitarian Vector. 2025. Vol. 20, no. 4. P. 114–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2025-20-4-114-123

Введение. Роль переводчика в контексте *аномалии постмодернизма*, которая является результатом нарастающей социокультурной фрагментации; перехода от этноцентричного общества к глобальному; повсеместного вступления в свои права эры маркетинговой компании (эры, когда все усилия сервисных организаций направлены на удовлетворение нужд реципиента); и ряда социолектальных сдвигов, в результате чего на смену текстоцентрической парадигме пришла адекватно-ориентированная парадигма, предусматривающая оптимизацию диалогового взаимодействия между переводчиком и реципиентом перевода, радикально изменилась [1]. В данной статье рассматривается личность переводчика как ключевой элемент в преодолении культурных конфликтов и защите от неоколониализма [2]. Этот подход предполагает, что сознательное и критическое отношение к переводу, основанное на понимании исторических дисбалансов, наделяет переводчиков возможностью активно смягчать культурные недопонимания и противостоять навязыванию доминирующих культурных норм, что определяет **актуальность** исследования.

Филологический анализ, представленный в статье, направлен на углубление понимания тонкостей межкультурной коммуникации, выявление этических императивов перевода, а также противодействие неоколониальным тенденциям, выражаящимся в навязывании чуждых ценностей и эрозии локальных идентичностей. Касательно философской мысли отметим, что результаты исследования затрагивают этику и политику, социальную философию и власть, онтологию и концепцию реальности, философию культуры.

Противоречие фокусируется между необходимостью обеспечения аутентичного перевода исходного текста, например, культуры друзей, и необходимостью предотвращать напряжение с переводящей культурой. Очевидная проблема – в филологическом пространстве актуализируется дилемма, коренящаяся в стремлении к максимально аутентичной презентации культурного своеобразия исходного текста, сопряжённом с необходимостью деликатного нивелирования потенциальных когнитивных диссонансов и экзистенциальных затруднений, возникающих в принимающей культуре.

Цель исследования заключается в том, чтобы определить и проанализировать языковые средства, при помощи которых переводчик способен смягчить культурные конфликты и встать на защиту культурной идентичности в условиях глобализации.

Гипотеза: активная позиция переводчика, заключающаяся в интерпретации и адаптации текста с учётом культурных особенностей обеих сторон, является ключевым фактором в смягчении культурных конфликтов и поддержании культурной идентичности в условиях глобализации.

Исследование представляет научную **новизну** в рамках филологических наук, поскольку предлагает комплексный и междисциплинарный подход к переосмыслению роли переводчика в контексте глобализации, межкультурной напряжённости и неоколониализма, акцентируя внимание на его филологической ответственности. **Оригинальность** исследования заключается в предложении нового методологического

подхода к изучению роли переводчика как «буферного философа диалога». Имеет место переосмысление роли перевода после того, как он предпринял попытку деконструировать культурный диктат и оспорить гегемониальные дискурсы для защиты культурного самосознания и более инклюзивного и осознанного взгляда на мир.

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть роль переводчика как миссионера, который амортизирует столкновения между культурами;
- 2) провести анализ стратегий, направленных на минимизацию потенциальных межкультурных конфликтов;
- 3) оценить влияние преднамеренного продвижения нарративов маргинализированных групп на восприятие и устойчивость доминирующих нарративов в определённом социокультурном контексте;
- 4) проанализировать перевод как инструмент защиты культурной идентичности от растворения в глобальном информационном потоке.

Методология и методы исследования. Анализ прагматики текста используется для выявления и передачи иллокутивных и перлокутивных актов с целью обеспечения его адекватного восприятия текста целевой аудиторией. Задействованный лингвокультурологический анализ каталогизирует культурно-обусловленные маркеры в тексте с целью анализа их функциональной нагрузки в репрезентации культурных кодов. Анализ дискурса направлен на раскрытие взаимосвязи между языковыми структурами и доминирующими идеологиями с целью установления способов, которыми дискурс формирует социальное поведение.

В процессе перевода важно обратить внимание на ряд основополагающих принципов:

- метод обратной связи с целевой аудиторией повышает доверие к переводу с целью сделать его понятным для широкой аудитории;
- цель интерсубъективности – объяснить процессы формирования общего смысла, согласованности и совместного восприятия реальности различными субъектами;
- цель эпистемологической интенсификации – протенциальное накопление знаний, что способствует более точечному реагированию на нужды реципиентов перевода;

– цель аналогизирующей аппроприации – сближение переводчика и реципиента перевода.

Вне сферы перевода мы двигаемся на встречу другому человеческому существу, закрытому для непосредственного постижения, при помощи кинестетики: кинестетические движения одного человека сходны с кинестетическими движениями другого [3]: «Откуда вы знаете, что он испытывает зубную боль, когда он держится за щеку?» Ответ: «...он испытывает зубную боль, когда держится за щеку, потому что я сам держусь за щеку, когда испытываю зубную боль» [4].

Однако в случае с переводчиком и реципиентом перевода аналогизирующая аппроприация на основе телесного уподобления не срабатывает, так как (1) наблюдению переводчика не открыт внутренний облик чужой телесности в виде нужд реципиента перевода, и (2) свои доктрины переводчик тоже испытывает во внутреннем опыте. Ощущения телесные никогда не производили бы изменений в душе, а душевные ощущения никогда не производили бы изменений в теле [5]. Абсолютным инвариантом должно быть что-то безусловно присущее и для переводчика, и для реципиента перевода, то, что Э. Б. Кондильяк называл «первым творением»: потребностями и желаниями [6]. Поэтому, применимо к теории перевода, мы назвали метод «аналогизирующей аппроприацией на основе универсального для всех состояния консумента (потребителя) перевода», то есть, если переводчик хочет добиться адекватности перевода для его потребителя, он исходит из того, что и переводчик есть потенциальный консумент перевода, потому что не каждый переводчик знает все возможные языки мира. Поэтому переводчик должен переводить так, как бы он переводил для «себя, не вполне владеющим переводящим текстом».

Результаты исследования и их обсуждение. Если реципиенты перевода захотели переложить ответственность на переводчика и на его коллег, ни в коем случае нельзя оставлять переговоры, даже если реципиенты перевода обвиняют переводчика «во всех грехах», как это было в 2015 г., когда в Анкару приезжал мэр г. Москвы С. Собянин и его делегация, которые хотели оплатить участие в тендерах наличными. И хотя всем знакомое турецкое слово “nakit” означает «наличные», и это слово часто

слышно, когда посещаешь магазины или супермаркеты, а тут произошло ошибочное искажение исходного значения термина в переводе. Языковой пример, основанный на описанной ситуации с С. Собяниным и возможными последствиями:

Исходная фраза: «Мы готовы оплатить участие в тендере наличными средствами». Предполагаемый «ошибочный» перевод (турецкий): *İhaleye katılım ücretini kredi kartıylaodemeye hazırlız*.

Правильный перевод: *İhaleye katılım ücretini nakit ödemeye hazırlız*.

Разбор: *İhaleye katılım ücretini* – «участие в тендере» (дословно: «плата за участие в тендере»); *ödemeye hazırlız* – «мы готовы оплатить»; *nakit* – «наличными» (то самое турецкое слово); *kredi kartıyla* – «кредитной картой».

«Ошибочный» перевод мог быть использован (даже намеренно), потому что в турецком языке нет ничего грамматически неправильного в фразе с *kredi kartıyla*. Формально она говорит, что они готовы заплатить кредитной картой. Однако, если действительно предполагалось заплатить наличными, а затем в переводе всплывает «кредитная карта», это может иметь несколько интерпретаций. Переводчик, не зная деталей сделки, просто перевёл «наличные» наиболее распространённым способом для современных транзакций, подразумевая, что наличные – это пережиток прошлого, т. е. наличные как сосредоточие негативных коннотаций, и завуалировал как «кредитная карта», думая, что так и надо. Возможно, переводчик решил смягчить прямое упоминание «наличных», чтобы избежать вопросов о происхождении этих средств в связи с коррупцией. Кредитная карта звучит более прозрачно и официально. Возможно, это был умышленный шаг со стороны того, кто хотел сорвать сделку или получить бонусы за «правильный» перевод. Предложение оплатить картой (если изначально предполагались наличные) могло создать задержку, неудобство и, возможно, дать возможность для коррупционных манёвров. Переводчиков сделали «козлами отпущения», и согласие с этим статусом есть часть переводческой услуги.

Подобная ситуация возникла и в красноярской компании «Белшина», когда переговоры стали невыгодными, начались игры в непонимание и обвинения переводчика в

некомпетентности. Когда стороны нацелены на взаимопонимание до определённого момента, после которого резко меняют позицию, при таком раскладе удобнее сделать крайним переводчика, если не хочется открытой конфронтации с партнёром(ами) по переговорам. По этой причине переводчику следует взять ответственность за наделанные бизнесменами ошибки на себя [7]. Например, в языковом аспекте, если исходное предложение на китайском языке 鉴于目前贵司的财务状况，我们建议贵司考虑适当延长付款期限 было с точки зрения реципиента перевода переведено неточно, а с точки зрения переводчика по всем канонам переводческого мастерства *Considering your current financial situation, we suggest you should extend the payment deadline.* (С учётом вашей текущей финансовой ситуации мы предлагаем вам должны продлить срок оплаты.), переводчик должен признать, что правильным переводом является тот перевод, который правилен для его реципиента: *Given your company's current financial circumstances, we suggest considering a reasonable extension of the payment term.* (Принимая во внимание текущие финансовые обстоятельства вашей компании, мы предлагаем рассмотреть возможность разумного продления срока оплаты.)

Переводчик, работая с генеральным директором одного производственного предприятия, для которого русский язык не был освоен в полной мере, столкнулся с трудностями в оценке своей переводческой работы. Генеральный директор отдавал предпочтение переводам менеджера, который упрощал переводящий язык, подстраиваясь под уровень владения русским языком генерального директора. Осознав, что корень проблемы не в качестве перевода, а в стиле, переводчик упростил перевод. Это позволило генеральному директору лучше понимать информацию и, как следствие, предотвратило возможные конфликты. В данном случае функционал переводчика вышел за рамки простого технического перевода и перешёл в сферу дипломатии. В качестве иллюстрации можно привести пример перевода с английского на русский: исходный текст – сложный и насыщенный терминологией: *Pursuant to our preliminary discussions, we hereby submit a comprehensive proposal outlining the strategic imperatives for optimizing operational efficiency and maximizing shareholder value.*

Технический перевод звучит так: «В соответствии с нашими предварительными обсуждениями, настоящим мы представляем всеобъемлющее предложение, в котором изложены стратегические императивы для оптимизации операционной эффективности и максимизации акционерной стоимости», в то время как упрощённый, адаптированный перевод для руководителя: «Как мы говорили раньше, вот предложение. В нём говорится, что нужно сделать, чтобы работать лучше и чтобы акции стоили дороже».

Личность переводчика выступала в качестве щита влияния не только в современные времена, но и в самые разные исторические периоды. Папа Римский Сикст V придерживался мнения, что допустима только католическая версия перевода Святого Писания [8]. М. Лютер, не признававший авторитета Вульгаты, создал перевод Библии, адресованный широкой аудитории. Он призывал обращаться за советом «каким они видят перевод» не к лингвистам, приверженцам латинской традиции, а к обычным людям [9].

Социолингвистическая дифференциация в переводе выступает как важный инструмент сближения с народными массами. Этот подход ярко иллюстрируется на примере Китая, где переводчики Лу Синь и Цюй Цю-Бо, используя стратегии «перевода на реципиента», обеспечивали понятность литературных и политических текстов для народных масс. В отличие от формального стиля «байхуа» [10], который зачастую был сложен для восприятия широкой аудитории, эти переводчики создали версии, приближенные к разговорной речи, что способствовало более активному участию населения в общественно-политической жизни. Например, в контексте социально-экономической ситуации, сложившейся в стране, было принято решение о необходимости усиления процессов демократизации. Традиционный перевод на китайский язык в стиле «байхуа» звучит так: 鉴于当前社会经济形势，似宜加强民主化进程，以确保公民社会的包发展， что можно перевести как «Ввиду сложившейся социально-экономической конъюнктуры, представляется целесообразным интенсифицировать процессы демократизации, дабы обеспечить инклюзивное развитие гражданского общества». Такой стиль, хотя и точный, зачастую оставался недоступным для широкой аудитории, особенно для тех,

кто не владел литературным языком. В противоположность этому, реципиент-ориентированный перевод, выполненный в духе Лу Синя, звучит более простым и разговорным: 现在这个社会啊，经济上有点儿那个啥，最好多搞点儿民主，让老百姓的日子过得更好。

В эпоху Советского Союза, когда связи с Индией были наиболее крепкими, требовалось описать современную Индию, а не архаичные романтизованные образы прошедших времён. Этот политический заказ был осуществлён в соответствии с идеологическими требованиями времени [11].

Конфликты в бывшей Югославии побудили учёных задуматься о взаимосвязи перевода с памятью [12], Ф. Джонс предпринял анализ на примере перевода боснийской, хорватской и сербской литературы на английский язык в 1990-х гг. [13]. М. Келли и К. Бейкер исследовали роль перевода в миротворческих операциях в Боснии и Герцеговине в 1995–2000 гг. [14].

Л. Мартынов отмечал ключевую роль переводчика как человека своего времени, создающего текст для своих современников [15], имея в виду ситуацию, когда в 1964 г. советский читатель уже не был доволен классическим переводом, который был нужен для того, чтобы ознакомить читателя с литературным наследием республик СССР [16]. Задолго до этого В. Брюсов утверждал, что «...то, что сейчас трудно понять, через какое-то время должно быть доступно для подавляющего большинства...» [цит. по: 17].

Благодаря адаптации текстов для «читателя без специальной подготовки» британской переводчицы А. Паймен, русская и советская культура стали доступны широким массам [18]. С. Маршак оказал значительное влияние на то, что сонеты Шекспира прочно вошли в литературный обиход современных русскоязычных читателей [19]. Ориентируясь на «неграмотного реципиента перевода», Абай Кунанбаев просто донёс до неграмотного дежканина содержание «Евгения Онегина» так, как он понимал его сам [20].

В современной ситуации мемы, как единицы культурной информации, быстро распространяются в глобальной сети, и их понимание зависит от культурного и языкового контекста. Задача переводчика адаптировать мем так, чтобы он был понятен и смешон для целевой аудитории, чтоозвучно идею Паймен об адаптации для «читателя без специальной подготовки». Например,

английский мем “OK Boomer” (уничижительное обращение к старшему поколению за их устаревшие взгляды) не имеет прямого эквивалента в русском языке. Дословный перевод «Окей, бумер» не передает всей иронии и контекста. Вместо этого переводчики часто используют адаптации, учитывающие российскую социокультурную ситуацию: «Ладно, дед», «Понятно, старая школа» или «Окей, динозавр».

Слово «хайп» (*hype*), означающее ажиотаж или шумиху вокруг чего-либо, часто используется в русском языке без перевода. Например, Leonardo Di Caprio held out for “The Beach” with its major hype = «Леонардо де Каприо взялся за фильм “Пляж” с его громадным хайпом». Однако адекватный перевод для более широкой аудитории должен быть более объясняющим: «Леонардо де Каприо взялся за фильм “Пляж” с его массированной раскруткой».

Дж. Дьюи, критикуя корпоративный подход к социуму, призывал к повсеместному размещению искусства, подчёркивая его ценность для каждого члена общества [21]. В этом контексте на переводчиков возлагается особая ответственность: не просто передать смысл, но и обеспечить его адекватное восприятие различными субкультурными группами. Примером эффективного использования реципиент-ориентированного подхода может служить перевод фразы из романа братьев Вайнеров «Бес в ребро»: «Если я ещё раз хоть что-то подобное узнаю, ты *перейдёшь на непрестижную работу*. Рассмотрим, как эта фраза может быть адаптирована для различных субкультурных сегментов:

«Ортодоксы религии»: If I behold any further iniquity, thy pride shall be humbled and thou shalt be reduced to a humble station. Данный вариант использует архаичный язык и религиозные коннотации, что соответствует ценностям и языку данного сегмента.

«Хулиганы»: If I get a whiff of this crap again, you're getting busted down to flunky duty. Использование сленга отражает стиль общения данной субкультуры.

«Студенты»: If I see you phoning it in one more time, you're getting stuck with a crappy work-study gig. Применение молодёжного жаргона делает перевод более понятным для данной аудитории.

«Менеджеры»: If I see a repeat of this underwhelming effort, you'll be transitioned to

a role with reduced responsibilities and a lower level of visibility. Использование корпоративного жаргона и эвфемизмов позволяет смягчить негативный смысл исходной фразы, что соответствует нормам общения в деловой среде.

«Рабочие»: If you don't shape up, you'll be stuck with a dead-end job. Простой язык, отражающий реалии рабочей среды, делает перевод максимально эффективным для данной целевой аудитории.

«Интеллектуалы»: Should I be compelled to witness a further exemplar of your lamentable work ethic, I daresay you would be precipitated into a role of reduced stature and commensurate expectations. Использование сложной лексики и грамматических конструкций соответствует интеллектуальному уровню данного сегмента.

«Иммигранты»: If me hear you do somethin' bad again, you go work at job wit' no respect, no dignity, no nothin'! Нарушение грамматических норм и упрощение языка отражает особенности речи, характерные для данной группы, что способствует лучшему пониманию.

Ярким примером важности учёта культурных особенностей при переводе является негативная реакция японских зрителей на перевод фильма «Властелин Колец», выполненный с высоким уровнем лингвистической точности, но при этом игнорирующий особенности субкультуры определённой части японской молодёжи [22].

В частности, в сцене Фродо произносит фразу: This task is going to be heavy, что можно перевести как «Эта задача будет тяжёлой». Прямой перевод на японский язык звучит так: Kono kadai wa omoi deshou. (この課題は重いでしょ), где слово *omoi* означает «тяжёлый» в физическом или переносном смысле. Такой перевод является точным, но нейтральным и не учитывает особенности молодёжной субкультуры. Если же переводить с учётом субкультурных особенностей, то фразу можно адаптировать, заменив слово *omoi* на сленговое выражение Kono kadai wa [сленговое слово] deshou. (この課題は【スラングの言葉】でしょう).

Глобализация, продвигая современную западную рациональность, ставит перед переводчиком задачу критического анализа и сомнения в исходных установках текста, поскольку внедрение этих ценностей в различные культуры может приводить к конфлик-

там, особенно при взаимодействии с «примитивными» с точки зрения евроцентризма сообществами¹.

Когда доминирующая культура переводит тексты маргинализованных культур, возникает риск искажения или неверного представления исходного смысла, часто в интересах доминирующей силы. Это может приводить к стереотипизации, стиранию культурных нюансов и, в конечном итоге, к оправданию неоколониальной практики. И когда переводчики не учитывают этого, они сталкиваются, например, с негодованием родителей, которое связано с сексистским и расистским контентом некоторых книг Р. Даля: априорное и врождённое мужское главенство; пирамидальная структура в отношении темнокожих²; евроцентричность и патриархальная дескрипция женского пола³; этническое стереотипирование, где немецкий персонаж наделён гиперболизированной бережливостью⁴.

Анализ произведений переводов Энид Блайтон выявляет наличие гендерных стереотипов и потенциально дискриминационных элементов. Зафиксировано представление о девочке, проявляющей неприятие своей гендерной роли и стремящейся к признанию её маскулинных качеств. Обнаружено использование оскорбительной лексики в отношении афроамериканского населения, а также воспроизведение традиционных гендерных ролей, где отец выполняет работы, считающиеся «мужскими»⁵, и предаётся курению трубки, в то время как женщины заняты исключительно домашними делами⁶ и обслуживанием мужчин⁷.

В современных условиях перевод, ориентированный на конкретного этнокультурного потребителя, играет ключевую роль в поддержании мира [23]. Это особенно ак-

туально в контексте сложных исторических взаимодействий, таких как колониальные взаимоотношения. «Ипостась» переводчика в колониальной Западной Африке можно рассматривать как «буфер от возможных конфликтов», поскольку переводчик выполняет важную функцию в трансляции информации между культурами, предотвращая недоразумения и способствуя межкультурному диалогу [24]. Рассмотрим конкретный пример, основанный на тексте колониальной администрации, где оригинал звучит следующим образом:

Le gouvernement colonial mandate l'établissement d'un recensement des ressources naturelles de la région, en vue d'une exploitation économique accrue.

В этом случае можно привести два вида перевода. Первый вариант представляет собой «нейтральный» перевод, который передаёт содержание текста без культурных преобразований:

The colonial government orders a census of the region's natural resources to increase economic exploitation. Этот перевод, хотя и точен в передаче информации, может восприниматься как бесчувственный к сложной исторической и культурной ситуации, в которой происходят такие действия.

Второй вариант – это перевод, осуществлённый переводчиком, который действует в роли «защитника культурной идентичности». Этот подход акцентирует внимание на более глубоком понимании ситуации, формулируя перцепцию действия в более положительном свете:

The colonial authorities request a detailed study of the region's resources, a necessary step towards understanding the land's potential and ensuring its responsible development in the interest of both the community and those seeking to benefit from it.

К слову сказать, западный контекст не всегда способен осуществить доминирование на некогда колонизированные регионы [25]. Мировая литература существует в национальных переводных версиях, формируя уникальные каноны [26]. Отношение к Гомеру и Вергилию в XVIII в. различалось в Германии, Франции и Италии. И. Торреси подчёркивает, что, если бы «Улисс» Джеймса Джойса не был бы переведён, его история публикации и восприятия в англосаксонском мире могли бы быть совершенно другими [27]. Роман «Путешествия Пилигрима» стал

¹ Leal A., Strasser M. Anthropology // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. M. Baker, G. Saldaña. – L.; N. Y., 2020. – P. 19–22.

² Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 2001. – 29 p.

³ Blyton E. Famous Five 06. – Islamabad: Shahid Riaz, 2015. – 55 p.; Blyton E. Famous Five 01. – Islamabad: Shahid Riaz, 2015. – 65 p.

⁴ Cash P. Enid Blyton: the Famous Five Books. – Leicester: English Association Primary Bookmarks, 2013. – 20 p.

⁵ Blyton E. Famous Five 08. – Islamabad: Shahid Riaz, 2015. – 84 p.

⁶ Blyton E. Famous Five 13. – Islamabad: Shahid Riaz, 2015. – 72 p.

⁷ Blyton E. Famous Five 04. – Islamabad: Shahid Riaz, 2015. – 76 p.

каноническим бестселлером не столько благодаря широкоразветвлённой сети протестантских миссионеров, сколько переводам, и это всемирное признание помешало ему стать символом английскости [28].

Заключение. Учитывая результаты приведённого исследования, важно остановиться на следующих тезисах:

- Переводчик играет кардинальную роль в межкультурном диалоге, используя различные стратегии адаптации исходного текста, учитывая лингвистические и социокультурные спецификации целевой аудитории.

- Несмотря на активную роль в деконструкции доминирующих дискурсов, переводчик обязан пересмотреть свою позицию и занять сторону изначального доминирующего нарратива в случае, если маргинализированный дискурс начинает воспроизводить практики репрессии.

- В контексте интенсификации глобальных информационных потоков перевод

выступает в качестве критического механизма для защиты культурной идентичности, обеспечивая сохранение и трансляцию уникальных культурных ценностей и традиций, подверженных риску ассимиляции.

В данном контексте мы предлагаем концепцию «филологической бдительности», которую определяем как способность переводчика к обнаружению имплицитных слоёв текста, обусловленных культурной спецификой и идеологическими установками, которые могут быть нивелированы и искажены при использовании традиционных переводческих подходах.

Перспектива данного исследования заключается в дальнейшей разработке и систематизации конкретных методологий и инструментов, позволяющих переводчикам более эффективно использовать свой «буферный» потенциал для содействия инклюзивному межкультурному диалогу и противодействия культурному неоколониализму в условиях глобализации.

Список литературы

- McCarthy E. J., Perreault W. D. Jr. *Basic Marketing*. Boston, Homewood: Irwin, 1990. 868 c.
- Asad T. *The Inequality of Languages // Translation – Theory and Practice: a Historical Reader / ed. by D. Weissbort, A. Eysteinsson*. N. Y., 2006. P. 494–501.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический Проект, 2010. 311 с.
- Витгенштейн Л., Суровцев В. А., Иткин В. В. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям»: монография. Новосибирск: Сиб. университетское изд-во, 2008. 256 с. EDN SUPQSH.
- Кондильяк Э. Б. Трактат об ощущениях. М.: Мысль, 1982. 211 с.
- Кондильяк Э. Б. Опыт о происхождении человеческих знаний. М.: Мысль, 1980. 334 с.
- Дедюхина А. С., Иванова С. А., Шагеева А. А. Конфликтная ситуация в переводческом аспекте (на примере перевода англоязычных и русскоязычных конфликтов, основанных на оценочности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. С. 587–592. DOI: 10.30853/phil20220085. EDN: VDQDMV
- Sixtus V. *The Authorised (King James) Version of the Bible // Translation – Theory and Practice: a Historical Reader / ed. by D. Weissbort, A. Eysteinsson*. N. Y., 2006. P. 115–119.
- Luther M. *Open Letter on Translating*. Hazleton: Pennsylvania State University, 1998. 20 с.
- Лу Синь, Цуй Цю-бо. Переписка по поводу переводов // Мастерство перевода. 1974. № 10. С. 356–367.
- Липкин С. Перевод и современность // Мастерство перевода: сб. М., 1964. № 3. С. 13–52.
- Stahuljak Z. *The Violence of Neutrality: Translators in and of the War (Croatia, 1991–1992) // College Literature*. 1999. Vol. 26, no. 1. P. 34–51.
- Jones F. *Ethics, Aesthetics and Décision: Literary translating in the wars of the Yugoslav succession // Meta*. 2004. Vol. 49, no. 4. P. 711–728. DOI: 10.7202/009777ar
- Kelly M., Baker C. *Interpreting the Peace: Peace Operations, Conflict and Language in Bosnia-Herzegovina*. N. Y.: Palgrave-Macmillan, 2012. 237 с.
- Эткинд Е. Четыре мастера (Ахматова, Цветаева, Самойлов, Мартынов) // Мастерство перевода: сб. М.: Сов. писатель, 1970. № 7. С. 29–68.
- Гатов А. Споры по существу (к итогам межреспубликанских конференций) // Мастерство перевода: сб. М.: Сов. писатель, 1964. № 3. С. 331–349.
- Гаспаров М. Брюсов и буквализм (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода: сб. М.: Сов. писатель, 1971. № 8. С. 88–128.

18. Паймен А. Как я переводила Тургенева на английский // Мастерство перевода: сб. М.: Сов. писатель, 1964. № 4. С. 377–392.
19. Костецки И. Актуально ли барроко по сей день (по поводу переводов Льва Гинзбурга) // Мастерство перевода: сб. М.: Сов. писатель, 1976. № 11. С. 467–478.
20. Карагаев М. Слово о Мухтаре Аузозове // Мастерство перевода: сб. М.: Сов. писатель, 1962. № 2. С. 227–237.
21. Dewey J. Art as Experience. N. Y.: Pedigree Books, 1980. 355 p.
22. O'Connell E. Screen Translation // Companion to Translation Studies / ed. P. Kuhiwczak, Littau K. Clevedon; Buffalo; Toronto, 2007. P. 120–133.
23. Gentzler E. Translation and Identity in the Americas: New directions in translation theory. L.; N. Y.: Routledge, 2012. 232 p.
24. Osborn E. L. Circle of Iron: African Colonial Employees and the Interpretation of Colonial Rule in French West Africa // The Journal of African History. 2003. Vol. 44, no. 1. P. 29–50. DOI: 10.1017/S0021853702008307. EDN: EBWGOZ
25. Rafael V. L. Betraying Empire: Translation and the Ideology of Conquest // Translation Studies. 2015. Vol. 8, no. 1. P. 82–93. DOI: 10.1080/14781700.2014.928649
26. Hajdu P. Translation and Canon Formation: The Canonisation of Greek and Roman Classics in Hungarian Culture // Neohelicon. 2004. Vol. 31. P. 35–42.
27. Torres I. The Polysystem and the Postcolonial: the Wondrous Adventures of James Joyce and His Ulysses across Book Markets // Translation Studies. 2013. Vol. 6. P. 217–231. DOI: 10.1080/14781700.2013.774531
28. Hofmeyr I. The Portable Bunyan: A Transnational History of the Pilgrim's Progress. Princeton: Princeton University Press, 2004. 32 c.

Информация об авторе

Сахневич Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, доцент кафедры лингвистики, Институт деловой карьеры; 109029, Россия, г. Москва, ул. Нижегородская, д. 32, стр. 4; crash68@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 17.10.2025.

References

1. McCarthy EJ, Perreault WD. Jr. Basic Marketing. Boston, Homewood: Irwin; 1990. 868 p.
2. Asad T. The Inequality of Languages. In: Weissbort D., Eysteinsson A (eds). Translation – Theory and Practice: a Historical Reader. New York; 2006. P. 494–501.
3. Gesserl' Eh. Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2010. 311 p. (In Russian)
4. Vitgenshtein L, Surovtsev VA, Itkin VV. Blue and Brown Books: preliminary materials for «Philosophical Investigations»: monograph. Novosibirsk: Sib. universitetskoe izd-vo; 2008. 256 p. EDN SUPQSH. (In Russian)
5. Kondil'yak EhB. A Treatise on Sensations. Moscow: Mysl; 1982. 211 p. (In Russian)
6. Kondil'yak EhB. Experience on the Origin of Human Knowledge. Moscow: Mysl; 1980. 334 p. (In Russian)
7. Dediukhina AS, Ivanova SA, Shageeva AA. Conflict situation in translation aspect (by the example of the translation of English-language and Russian-language conflictogenic words based on evaluative connotation. *Philology. Theory & Practice*. 2022;15:587–592. DOI: 10.30853/phil20220085. EDN: VDQDMV. (In Russian)
8. Sixtus V. The Authorised (King James) Version of the Bible. In Weissbort D., Eysteinsson A (eds). Translation - Theory and Practice: a Historical Reader. New York; 2006. P. 115–119.
9. Luther M. Open Letter on Translating. Hazleton: Pennsylvania State University; 1998. 20 p.
10. Lu Sin', Tsuui Tsuui-bo. Correspondence on Translations. *Mastery of Translation*. 1974;(10):359–365. (In Russian)
11. Lipkin S. Translation and Modernity. *Mastery of Translation*. 1964;(3):13–52. (In Russian)
12. Stahuljak Z. The Violence of Neutrality: Translators in and of the War (Croatia, 1991–1992). *College Literature*. 1999;26(1):34–51.
13. Jones F. Ethics, Aesthetics and Décision: Literary translating in the wars of the Yugoslav succession. *Meta*. 2004;49(4):711–728. DOI: 10.7202/009777ar
14. Kelly M, Baker C. Interpreting the Peace: Peace Operations, Conflict and Language in Bosnia-Herzegovina. New York: Palgrave-Macmillan; 2012. 237 p.
15. Etkind E. Four masters (Akhmatova, Tsvetaeva, Samoylov, Martynov). *Mastery of Translation*. 1970;(7):29–68. (In Russian)
16. Gatov A. Substantive Disputes (on the Results of Inter-Republican Conferences). *Mastery of Translation*. 1964;(3):331–349. (In Russian)

17. Gasparov M. Bryusov and Literalism (Based on Unpublished Materials for the Translation of the "Aeneid"). *Mastery of Translation*. 1971;(8):88-128. (In Russian)
18. Paimen A. How I Translated Turgenev into English. *Mastery of Translation*. 1964;(4):377-394. (In Russian)
19. Kostetski I. Baroque Still Relevant Today (Regarding Translations by Lev Ginzburg). *Mastery of Translation*. 1976;(11):467-478. (In Russian)
20. Karataev M. Word about Mukhtar Auezov. *Mastery of Translation*. 1962;(2):227-237. (In Russian)
21. Dewey J. Art as Experience. New York: Pedigree Books; 1980. 355 p.
22. O'Connell E. Screen Translation. In: Kuhiwczak P., Littau K. Clevedon (eds.) Companion to Translation Studies. Buffalo; Toronto; 2007. P. 120-133.
23. Gentzler E. Translation and Identity in the Americas: New directions in translation theory. London: Routledge; 2012. 232 p.
24. Osborn EL. Circle of Iron: African Colonial Employees and the Interpretation of Colonial Rule in French West Africa. *The Journal of African History*. 2003;44(1):29-50. DOI: 10.1017/S0021853702008307. EDN: EBW-GOZ
25. Rafael VL. Betraying Empire: Translation and the Ideology of Conquest. *Translation Studies*. 2015;8(1):82-93. DOI: 10.1080/14781700.2014.928649
26. Hajdu P. Translation and Canon Formation: The Canonisation of Greek and Roman Classics in Hungarian Culture. *Neohelicon*. 2004;31:35-42.
27. Torresi I. The Polysystem and the Postcolonial: the Wondrous Adventures of James Joyce and His Ulysses across Book Markets. *Translation Studies*. 2013;6:217-231. DOI: 10.1080/14781700.2013.774531
28. Hofmeyr I. The Portable Bunyan: A Transnational History of the Pilgrim's Progress. Princeton: Princeton University Press; 2004. 32 p.

Information about the author

Sakhnevich Sergey V., Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Associate Professor, the Department of Linguistics, Institute of Business Career; 32 Nizhnyaya st., Building 4, Moscow 109029, Russia; crash68@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

**Received: March 21, 2025; approved after reviewing July 07, 2025;
accepted for publication October 17, 2025.**